

УДК 81.13

DOI: 10.23951/2307-6127-2019-2-66-73

СИСТЕМНО-КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

Е. И. Рябко

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск

Художественное произведение представляет собой информационно-открытое явление. Читатель, исследователь, переводчик в ходе знакомства и работы с текстом раскрывают новые смыслы, осуществляя бесконечно возможный диалог культур. Предлагается системно-комплексный методологический подход к анализу соотношения смыслов, заложенных в оригинале художественного произведения и в его переводах. Подход представляет собой взаимодействие герменевтического метода анализа, методов переводческой реконструкции и сопоставительной лингвистики. Статья носит теоретико-практический характер. В теоретической части статьи определяются понятия «герменевтика» и «переводческая герменевтика», выявляются категории герменевтического анализа, рассматриваются методы переводческой реконструкции как способы передачи смыслового содержания оригинала средствами переводящего языка, а также выделяются методы сопоставительной лингвистики, направленные на изучение соотношения смыслов и образов, представленных в оригинальном тексте и в переводных произведениях. Системно-комплексный подход к изучению художественного перевода разрабатывается автором на материале романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и его двух английских переводов. Роман, будучи результатом многолетней кропотливой работы писателя, авторской оценки современной ему реальности и вечных общечеловеческих ценностей, представляет собой невероятно многоплановое произведение, требующее от читателя, исследователя, переводчика высокого уровня компетентности, комплекса методов для его интерпретации, включающих языковой, жизненный, культурный и литературный опыт. Извлечение информации может быть достигнуто в результате понимания, истолкования и сопереживания. Немаловажным фактором является принадлежность интерпретатора определенной временной эпохе. Особенности языкового знака и языковых картин мира, природа художественного творчества, сложная структура художественного произведения, многогранность переводческой деятельности приводят к феномену многочтения, раскрытию все новой смысловой наполненности текста оригинала. Предложенные автором идеи могут найти применение в разработке теоретических и практических курсов по интерпретации художественного текста и переводу, а также представляют интерес для практикующих переводчиков и исследователей художественной литературы и художественного перевода.

Ключевые слова: *художественный перевод, переводческая герменевтика, методы реконструкции, трансформации, сопоставление смыслов.*

На современном этапе развития науки не вызывает сомнений положение об интердисциплинарном характере художественного перевода. Соответственно, необходимость разработки системного комплексного методологического подхода к его описанию и анализу является сегодня особенно актуальной. Такой подход предполагает изучение исходного и переводного текстов не только как результата взаимодействия на разных языковых уровнях (семиотическом, грамматическом, стилистическом), но и как результата диалога культур и

личностного творческого самовыражения. Помимо этого, в задачи подхода непременно должно входить исследование культурно-языковой картины мира текста-источника, исторического фона и социально-исторического контекста, в котором данный текст был «рожден», и их воспроизведения в аналоге – тексте/текстах перевода. Цель статьи заключается в разработке и апробации такой методики.

Научная новизна работы заключается в применении симбиоза методов: в качестве основополагающего выбран метод герменевтического анализа, сопутствующими методами выступают методы переводческой реконструкции и сопоставительной лингвистики. Поясним суть каждого из них.

Герменевтика имеет многовековую историю развития, герменевтические принципы и методы продолжают развиваться и находят применение в различных сферах современной науки, в том числе лингвистике и переводоведении. Герменевтический метод получения гуманитарного знания – один из способов достижения понимания и правильного истолкования понятого.

Идею данного явления нередко связывают с мифом о Гермесе. В античной мифологии Гермес выступал вестником, проводником, посредником между богами Олимпа и простыми людьми, «переводил» волю богов на человеческий язык, интерпретировал, объяснял ее, делал понятной. Вследствие этого герменевтика трактуется как искусство толкования непонятного, объяснения смыслов [1, с. 5].

Переводческая герменевтика изучает механизмы переводческого понимания оригинала и инструменты его интерпретации в тексте перевода. В рамках данного направления перевод трактуется как герменевтический процесс, результат узнавания, понимания и интерпретации смысла, выражаемого с помощью совокупности языковых знаков, порожденных представителем одной лингвокультуры в границах определенной картины мира для носителей другой лингвокультуры [2].

Исследователь переводной художественной литературы оперирует методами и категориями классической философской герменевтики, к которым относятся предпонимание, понимание, интерпретация, герменевтический круг, принцип учета замысла и цели автора произведения, метод контекста, принцип конгениальности.

Процесс перевода текста складывается не только из стадии его восприятия, понимания и толкования, но и стадии его воспроизводства средствами другого языка посредством *методов переводческой реконструкции*.

Будучи теоретиком и практиком перевода, И. С. Алексеева, размышляя о переводческой деятельности, выделяет три стратегии переводческих действий и решений. В поисках эквивалента переводчик может воспользоваться готовым (однозначным) соответствием, вариантным соответствием, которое находится в непосредственной зависимости от контекста, создать собственное соответствие (совершить межъязыковое преобразование, трансформацию) в рамках закономерностей языка [3, с. 153–158].

В современной теории перевода не существует универсальной классификации видов переводческих трансформаций. В отечественном переводоведении теория трансформаций представлена в концепциях Л. С. Бархударова [4], В. Н. Комиссарова [5], Л. К. Латышева [6], Р. К. Миньяр-Белоручева [7], Я. И. Рецкера [8], З. Д. Львовской [9], А. Д. Швейцера [10], В. Г. Гака [11] и многих др.

Большинство исследователей выделяют четыре традиционных вида трансформаций: перестановка, замена, добавление, опущение, дополняя классификацию такими видами преобразований, как антонимический перевод, компенсация, описательный перевод и др. Авторы отмечают, что подобное деление условно, поскольку на практике деятельность переводчика являет собой комплексное преобразование.

Изучение оригинальной и переводной литературы не представляется возможным без методологического аппарата сопоставительной лингвистики. Сопоставительный анализ исходного и переводного текстов направлен на изучение соотношения изначальных авторских смыслов и образов и смыслов и образов, представленных в переводных произведениях.

Методика сопоставления смыслов предполагает, во-первых, прием сравнения так называемых параллельных текстов, или «текстов, имеющих функциональную аналогию» [12, с. 201], вычленение сопоставимых образов и сюжетных линий и интерпретации глубинных смыслов, заключенных в данных единицах исследования в сравниваемых текстах. Во-вторых, методика предполагает изучение языковых и текстовых ресурсов в изображении сопоставляемых сюжетных линий. И наконец, привлечение данных внешней среды, свидетельствующих о влиянии общества и участии человека и создающих историко-литературный и социокультурный контекст.

Применим данную методику, проанализировав соотношение смыслов, заложенных в оригинале художественного произведения и в переводах его текста, на материале эпизода диалога Понтия Пилата и Иосифа Каифы из романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и его двух переводов на английский язык, выполненных М. Гинзбург (1967) и Х. Эплиным (2008).

В ходе беседы с Пилатом первосвященник немногословен, но его поведение и сдержанная речь полны достоинства, осознания собственного высокого социального положения и власти, готовности противостоять римскому наместнику: *«Синедрион просит отпустить Вар-раввана»* [13, с. 35].

М. Гинзбург выражает просьбу Каифы, используя глагол «beg»: *The Sanhedrin begs to release Bar-Rabban* [14]. Глагол является ключевым для понимания позиции и роли персонажа в сюжете произведения. **Beg** – to ask for as a charity [15]; to make a very strong and urgent request [16]; ask someone earnestly or humbly for something, ask formally for permission [17]. В этом варианте Каифа смиренно умоляет Пилата о милости, обращается с просьбой дозволить Синедриону осудить заключенного Иешуа. Значение не соответствует надменному поведению первосвященника и сюжету главы.

Эквивалент Х. Эплина *The Sanhedrin requests the release of Bar-rabban* [18] является удачным для передачи оригинального значения: request expresses the need or desire for something [17]. Каифе необходима смерть Иешуа, чтобы избежать народных волнений, он желает использовать казнь бродячего философа в собственных интересах. Помимо этого, первосвященник осознает свое преимущество в вопросе, не собирается упускать возможность продемонстрировать Пилату свое превосходство.

В продолжение диалога Булгаков изображает Пилата опытным искусным политиком. Прокуратор предвидел ответ Каифы, однако он *«с большим искусством»* выражает свое изумление, использует психологические приемы воздействия и убеждения на своего собеседника: мимику (*«брови на надменном лице поднялись»*), смотрит прямо в глаза (*«прокуратор прямо в глаза поглядел первосвященнику с изумлением»*), использует задушевную интонацию (*«мягко заговорил прокуратор»*), в корректной форме разъясняет свою позицию (*«римская власть ничуть не покушается на права духовной местной власти»*), говорит об «искреннем» желании помочь (*«<...> налицо явная ошибка. И в исправлении этой ошибки римская власть, конечно, заинтересована»*), приводит аргументы в поддержку своей позиции (*«<...> преступления Вар-раввана и Га-Ноцри совершенно не сравнимы по тяжести. Если второй, явно сумасшедший человек, повинен в произнесении нелепых речей, смущавших народ в Ершалаиме <...>, то первыйотягощен гораздо значительнонее. Мало того, что он позволил себе прямые призывы к мятежу, но он еще убил стража при попытках брать его»*) [13, с. 35].

В переводах эти важные для понимания характера персонажа штрихи переданы вариантными соответствиями. Искусство вести дипломатическую беседу переводчики называют «*great skill*» (М. Гинзбург), «*great artistry*» (Х. Эплин).

Оба переводчика практически идентично передают манеру поведения прокуратора:

(1) *The eyebrows on the haughty face rose, and the Procurator looked with amazement straight into the High Priest's eyes* [14].

(2) *The brows on his haughty face rose, and the Procurator looked in surprise straight into the High Priest's eyes* [18].

Цель Пилата добиться освобождения Иешуа завуалирована в форму совета. Прокуратор понимает важность формы подачи совета: совет следует произносить доверительным участливым тоном голоса. Вариантные соответствия в текстах-переводах передают эту идею: «*the Procurator spoke mildly*» (М. Гинзбург), «*began the Procurator gently*» (Х. Эплин).

В переводах Пилат акцентирует свою дипломатическую позицию следующим образом:

(1) *The Roman government had no wish whatsoever to interfere with the prerogatives of the local spiritual authorities* [14].

(2) *The Roman authorities were not encroaching in any way on the rights of the local spiritual authorities* [18].

В переводе М. Гинзбург прокуратор выражает нежелание каким-либо образом вмешаться, однако отсутствие желания не означает отсутствие возможности сделать это. В словах Пилата звучит скрытая угроза. Интересен выбор переводчика эквивалента «**prerogatives**». Лексическая единица дефинируется как *the privilege, something that certain people are able or allowed to do or have* [16]. Таким образом, Пилат намекает на то, что власть местных властей является лишь привилегией. Синедрион сохранил свое положение только благодаря милости римского императора.

У Х. Эплина Пилат говорит как современный политик, рассуждающий о невмешательстве в законные права оппонента. Это значение фраза приобретает благодаря глаголу «**encroach**», который преимущественно используется в юридической сфере о нарушении прав человека и определяется словарем как *to intrude gradually, stealthily, or insidiously upon the rights, property of another (law)* [17]. Существительное «**rights**» также ассоциативно связано с юридической деятельностью.

Пилат тактично указывает на «ошибку» Синедриона. В переводах осторожная манера поведения персонажа передана посредством вводных слов и усилителей:

(1) «*<...> there seemed to be an obvious error. And the Roman government was, of course, interested in correcting this error*» [14].

(2) «*<...> an obvious mistake was being made. And the Roman authorities did, of course, have an interest in the correction of that mistake*» [18].

М. Гинзбург использует эквивалент «**error**», которое принадлежит официальному стилю и подчеркивает важность, весомость принимаемого решения, поскольку речь идет о жизни и смерти, политике и власти. Х. Эплин избегает этого эквивалента в переводе, используя нейтральный вариант «**mistake**». Возможно, это происходит ввиду того, что лексема **error** в современном обществе расширила сферу применения: преимущественно используется об ошибке в вычислениях, документах, в работе техники или компьютерных программ. Переводчик стремится избежать ненужных коннотаций.

В вариантах перевода, так же как и в оригинале, прокуратор последовательно и аргументированно пытается убедить Каифу в своей правоте:

(1) «*<...> the crimes of Bar-Rabban and Ha-Nozri were in no wise comparable in their gravity. If the latter, who was clearly a madman, was guilty of absurd utterances in Yershalayim*

<...>, the former bore the burden of far heavier guilt. Not only had he permitted himself direct appeals to rebellion, but he had also killed a soldier during the attempt to capture him» [14].

(2) «<...> the crimes of Bar-rabban and Ha-Nozri were quite incomparable in gravity. If the latter, an obvious madman, was guilty of the utterance of absurd speeches which had stirred up the people in Yershalaim <...>, the former was much more significantly burdened. Not only had he permitted himself direct calls to revolt, he had also killed a guard during attempts to capture him» [18].

Переводчики используют эмоционально окрашенные слова и выражения, слова-усилители, чтобы сделать речь прокуратора такой же убедительной, как и в оригинале романа.

Однако тонкая политическая игра не помогает Пилату добиться цели. Каифа распознает намерения противника, непреклонен в своем решении казнить Иешуа. Услышав отказ Каифы помиловать Иешуа в третий раз, прокуратор теряет контроль над собой, угрозы становятся явными, меняется стиль диалога. Каифа, в свою очередь, тоже снимает маску и показывает свое истинное лицо: «*Не мир, не мир принес нам обольститель народа в Ершалаим, и ты, всадник, это прекрасно понимаешь. Ты хотел его выпустить затем, чтобы он смутил народ, над верою надругался и подвел народ под римские мечи! Но я, первосвященник иудейский, куда жив, не дам на поругание веру и защищу народ!*» [13, с. 38].

Рассмотрим варианты перевода фрагмента:

(1) «*You wanted to release him so that he might incite the populace, mock the faith, and bring the people under Roman swords! But while I, the High Priest of Judea, am alive, I will allow no profanation of the faith, I will protect the people!*» [14].

(2) «*It wasn't peace, not peace that this seducer of the people brought to us here in Yershalaim, and you, horseman, understand that very well. You wanted to release him so he would stir up the people, ridicule the faith and deliver the people up to Roman swords! But I, the High Priest of Judaea, while I yet live, will not yield the faith up to profanation and will protect the people!*» [18].

Прежде всего обратим внимание на то, что часть фразы отсутствует в варианте М. Гинзбург ввиду того, что она была вырезана из оригинального текста советской цензурой по политическим причинам [19, с. 27].

Переводчикам удается передать возвышенный тон речи первосвященника посредством использования книжной лексики и грамматических конструкций, характерных для официально-делового стиля. Однако ни один из переводчиков не замечает родственный характер лексем «надругался» и «поругание», наличие у них одного корня. При этом данные лексические единицы являются ключевыми в понимании смысловой нагрузки эпизода. Попытаемся разобраться, какой смысл они вносят в оригинальный текст:

Надругаться (книжн.) – подвергнуть кого-либо, что-нибудь надругательству, глумлению [20, с. 380].

Поругание (книжн. ритор.) – действие, причиняющее оскорбление, унижение, глумление [21, с. 582].

Каифа опасается угрозы надругания над святыней, иудейской верой, другими словами, осквернения, оскорбления, подрыва устоев, основ иудаизма.

Удачным выбором переводчиков можно считать вариант «**profanation**», который дефинируется как blasphemous behavior; the act of depriving something of its sacred character; degradation of something worthy of respect; cheapening [16].

Глагол «надругаться», принадлежащий книжному пласту лексики, переведен нейтральными вариантами соответствиями «mock» и «ridicule», смысловая нагрузка которых уступает оригинальному эквиваленту:

Mock – to copy someone or a characteristic of someone in an amusing but unkind way that makes other people laugh, or to try to make someone or something seem foolish or ridiculous.

Ridicule – to laugh at someone or something in an unkind, cruel or harsh way [16].

В текстах-переводах Каифа опасается того, что иудейская вера будет выставлена на посмешище, что приведет к дискредитации ее авторитета, потере уважения и доверия.

Результаты исследования и обсуждение. Из изученного материала следует, что художественный перевод являет собой сложное многогранное явление, при помощи которого осуществляется диалог культур. В художественном произведении находят отражение и взаимодействуют знаковая структура языка, авторская мысль, авторское видение и восприятие действительности, контекст национальной и мировой культур.

Языковая единица в художественном произведении обладает особыми свойствами. Попадая в художественный текст, она теряет самостоятельность, под влиянием логических, эстетических, эмотивных, образных и иных ассоциаций обретает качественно новую информационную ценность, которая не обязательно учитывается словарем, скрыта в опыте данной культуры и в индивидуальном, творческом представлении автора.

Интерпретация художественного произведения, в том числе переводческая, таким образом, выходит за пределы лингвистической проблематики. Прочтение и оценка художественного текста переводчиком-читателем испытывают непосредственное влияние со стороны культуры, отраженной в сознании переводчика. Вследствие этого художественный перевод не сводим к поиску межъязыковых соответствий.

Текст перевода представляет собой одну из многих возможных форм интерпретации оригинала.

В заключение отметим, что сложная природа художественной переводческой деятельности требует от исследователя применения комплексной методики. Специфика анализа, основанная на понимании и интерпретации смыслов, позволяет выбрать ведущим методом исследования герменевтический подход, в качестве сопутствующих методов – методы переводческой реконструкции и сопоставительной лингвистики.

Авторские смыслы воспроизводятся в текстах переводов с позиции их восприятия и интерпретации каждым переводчиком с использованием вариативных средств принимающего языка и культуры. Несомненно большое значение играет временной интервал между переводами. Текст Х. Эплина ориентирован на современного читателя.

Список литературы

1. Соболева М. Е. Философская герменевтика: понятия и позиции. М.: Академический проект, 2013. 151 с.
2. Моисеев М. В. Перевод как вид герменевтического дискурса. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perevod-kak-vid-germenevticheskogo-diskursa/> (дата обращения: 01.08.2018).
3. Алексеева И. С. Введение в переводоведение: учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2004. 352 с.
4. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
5. Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода. М.: Международные отношения, 1980. 167 с.
6. Латышев Л. К. Технология перевода: учеб. пособие для студ. лингв. вузов и фак. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Академия, 2005. 320 с.
7. Миньяр-Белоручев Р. К. Теория и методы перевода. М.: Московский лицей, 1996. 208 с.
8. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Международные отношения, 1974. 216 с.
9. Львовская Э. Д. Теоретические проблемы перевода (на материале испанского языка). М.: Высшая школа, 1985. 232 с.
10. Швейцер А. Д. Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука. 1988. 215 с.
11. Гак В. Г. Типология контекстуальных языковых преобразований при переводе // Текст и перевод. М.: Наука, 1988. С. 63–75.

12. Гарбовский Н. К. Теория перевода. М.: Изд-во Московского ун-та, 2004. 544 с.
13. Булгаков М. Мастер и Маргарита. Симферополь: Таврия, 1994. 404 с.
14. Bulgakov M. The Master and Margarita // Translated from the Russian by Mirra Ginsburg: ebook. N. Y.: Grove Press, 1967.
15. Merriam-Webster dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com> (accessed: 18.09.2018).
16. Cambridge Dictionary. URL: <http://dictionary.cambridge.org/ru> (accessed: 21.09.2018).
17. English Oxford Living Dictionaries. URL: <https://en.oxforddictionaries.com> (accessed: 18.09.2018).
18. Bulgakov M. The Master and Margarita // Translated from the Russian by Hugh Aplin: ebook. Alma Classics Ltd, 2008.
19. Москва. 1966. № 11. С. 6–149.
20. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. 21-е изд. М.: Мир и образование, Оникс, 2011. 736 с.
21. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. М.: Рус. яз. 2000. в 2 т. 1209 с.

Рябко Елена Игоревна, аспирант, старший преподаватель, Тихоокеанский государственный университет (ул. Тихоокеанская 136, Хабаровск, Россия, 680030). E-mail: elena-r.kha@mail.ru

Материал поступил в редакцию 09.10.2018

DOI: 10.23951/2307-6127-2019-2-66-73

THE SYSTEMATIC APPROACH TO THE STUDY OF LITERARY TRANSLATION

Y. I. Ryabko

Khabarovsk Pacific State University, Khabarovsk, Russian Federation

The article suggests the complex methodological approach to translation of a literary text. It includes hermeneutical method of text analysis, the theory of modifications in translation and the tools of comparative linguistics. This approach can provide guidance for solving problems of interpretation of literary source texts and target texts. It enables a reader, a translator, a researcher to achieve an in-depth understanding of meanings and the original messages. The idea of the complex approach to the literary text translation comes from the fact translation is a complex phenomenon itself. Nowadays nobody has doubts about its interdisciplinary character. Translation is defined not as a mere interaction of the two languages, it is influenced by a great number of extra-linguistic factors. To illustrate the theory the author analyses the episode from M. Bulgakov's «The Master and Margarita» and the ways its meanings are conveyed into the two target texts in English. The novel is a masterpiece. Every generation of readers, translators, researchers reveals new meanings of it, without coming to the final unambiguous interpretation. The translators understand and interpret the original text messages differently. Their understanding and the choice of translation strategies depend on the potential of the target language, the time and social cultural context, the stylistic norms and standards, earlier experiences, personal background knowledge and preferences. The text of the literary work is therefore open for alternative interpretations, which prolong its life. The results can be useful for anyone interested in the text based research and literary translation. They can be applied to the academic course on discussing, interpreting and translating of literary texts as well.

Keywords: *literary translation, hermeneutical approach in translation studies, translation strategies, modifications and transformations, text messages.*

References

1. Soboleva M. Y. *Filosofskaya germeneytika: ponyatia i pozitsii* [Philosophical hermeneutics: categories and views]. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2013. 151 p. (in Russian).

2. Moiseyev M. V. *Perevod kak vid germenevticheskogo diskursa* [Translation as a kind of hermeneutical discourse] (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perevod-kak-vid-germenevticheskogo-diskursa/> (accessed 1 August 2018).
3. Alekseeva I. S. *Vvedeniye v perevodovedeniye* [The introduction to translation studies]. Moscow, Akademiya Publ., 2004. 352 p. (in Russian).
4. Barkhudarov L. S. *Yazyk i perevod* [Language and translation]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1975. 240 p. (in Russian).
5. Komissarov V. N. *Lingvistika perevoda* [The linguistic theory of translation]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1980. 167 p. (in Russian).
6. Latyshev L. K. *Tekhnologiya perevoda: uchebnoye posobiye dlya studentov lingvisticheskikh vuzov i fakul'tetov* [Technology of translation: textbook for students of linguistic universities and faculties]. Moscow, Akademiya Publ., 2005. 320 p. (in Russian).
7. Minyar-Beloruchev R. K. *Teoriya i metody perevoda* [Theory and methods of translation]. Moscow, Moskovsky litsey Publ., 1996. 208 p. (in Russian).
8. Retsker Ya. I. *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika* [Theory and practice of translation]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1974. 216 p. (in Russian).
9. L'vovskaya Z. D. *Teoreticheskiye problemy perevoda* [The theoretical problems of translation]. Moscow, Vyshaya shkola Publ., 1985. 232 p. (in Russian).
10. Shveytser A. D. *Teoriya perevoda* [Translation theory]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 215 p. (in Russian).
11. Gak V. G. Tipologiya kontekstual'nykh yazykovykh preobrazovaniy pri perevode [Typology of contextual language transformations when translating]. *Tekst i perevod* [Text and translation]. Moscow, Nauka Publ., 1988. Pp. 63-75 (in Russian).
12. Garbovskiy N. K. *Teoriya perevoda* [Translation theory]. Moscow, Moscow university Publ., 2004. 544 p. (in Russian).
13. Bulgakov M. *Master i Margarita* [The Master and Margarita]. Simferopol, Tavria Publ., 1994. 404 p. (in Russian).
14. Bulgakov M. *The Master and Margarita*. Translated from the Russian by Mirra Ginsburg: ebook. New York: Grove Press, 1967.
15. *Merriam-Webster dictionary*. URL: <https://www.merriam-webster.com> (accessed 18 September 2018).
16. *Cambridge Dictionary*. URL: <http://dictionary.cambridge.org/ru> (accessed 21 September 2018).
17. *English Oxford Living Dictionaries*. URL: <https://en.oxforddictionaries.com> (accessed 18 September 2018).
18. Bulgakov M. *The Master and Margarita*. Translated from the Russian by Hugh Aplin: ebook. Alma Classics Ltd, 2008.
19. *Moskva. Ezhemesyachnyy literaturno-khudozhestvennyy i obschestvenno-politicheskiy illyustrirovanny zhurnal* [Moscow. The Russian monthly literary magazine]. Moscow. 1966, no. 11, pp. 6–149 (in Russian).
20. Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka* [The dictionary of the Russian language]. Moscow, Mir i obrazovaniye Publ., Oniks Publ., 2011. 736 p. (in Russian).
21. Efremova T. F. *Novy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-obrazovatel'nyy. V 2 t.* [The new Dictionary of the Russian Language. In 2 volumes]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 2000. 1209 p. (in Russian).

Ryabko Y. I., Khabarovsk Pacific State University (ul. Tihookeanskaya, 136, Khabarovsk, Russian Federation, 680030). E-mail: elena-r.kha@mail.ru